УДК 347.961

Аляутдинова Э.Ш.

магистрант

кафедра теории и истории государства и права

Волжский государственный университет водного транспорта

(г. Нижний Новгород, Россия)

НОТАРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ С УЧАСТИЕМ ОГРАНИЧЕННО ДЕЕСПОСОБНЫХ ЛИЦ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: *исследуются особенности совершения нотариальных действий с участием совершеннолетних граждан, ограниченных судом в дееспособности. На основе формально-юридического анализа статьи 30 ГК РФ и судебных актов разграничены самостоятельное волеизъявление гражданина, согласие попечителя и разрешение органа опеки. Выявлены риски смешения правового статуса лица с его фактической способностью понимать конкретную сделку, а также подмены воли подопечного волей попечителя. Предложен порядок документирования нотариальной проверки, позволяющий соединить защиту имущества с сохранением юридической самостоятельности гражданина.*

Ключевые слова: *нотариальное действие, ограниченная дееспособность, попечительство, волеизъявление, согласие попечителя, разрешение органа опеки, нотариальная проверка, недействительность сделки, судебная практика.*

Согласно положениям ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] дееспособность является способностью гражданина посредством своих действий приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность). Данная способность в полном объеме возникает при наступлении совершеннолетия, т.е. по достижении гражданином возраста восемнадцати лет.

В соответствии с законодательно закрепленными положениями, дееспособность дает гражданам способность реализовать свои права и нести в

этой связи обязанности в социуме. Дееспособность предполагает осознанность лицом своих действий.

Понятие дееспособности можно воспринимать в качестве правовой категории, которая представляет собой одну из ключевых частей гражданско-правового положения физических лиц. Кроме этого, понятие и виды дееспособности физических лиц нашло давнее признание и в зарубежной, и в отечественной цивилистике в виде способности осуществлять ряд юридических действий. Также важность гражданской дееспособности признали и современные ученые, по мнению которых для дееспособности свойственно юридически обеспечивать активное участие человека в экономическом обороте, предпринимательской работе и ином виде деятельности, осуществлении своих прав имущественного и иного личного неимущественного характера.

Ограничение дееспособности создаёт для нотариуса особую задачу: обеспечить участие гражданина в обороте в пределах сохранённой самостоятельности и одновременно исключить совершение сделки без предусмотренных законом гарантий. Проверка одного лишь факта назначения попечителя недостаточна. Необходимо установить основание ограничения, содержание конкретного действия и соотношение трёх юридических элементов: воли самого гражданина, согласия попечителя и, когда это требуется, предварительного разрешения органа опеки. Цель исследования – определить порядок такого разграничения и предложить способы предупреждения ошибок при удостоверении сделок. Использованы формально-юридический метод и анализ правовых позиций высших судов, предмет исследования ограничен совершеннолетними лицами.

Статья 30 ГК РФ закрепляет два самостоятельных режима. Первый применяется, когда пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами ставят семью гражданина в тяжёлое материальное положение. Второй связан с психическим расстройством, при котором понимание значения действий или руководство ими возможно при помощи других лиц [1]. Эти основания нельзя считать взаимозаменяемыми:

различаются как обстоятельства судебного установления ограничения, так и объём последующей имущественной самостоятельности.

По пункту 1 статьи 30 ГК РФ без согласия попечителя допускаются мелкие бытовые сделки. Получение и расходование заработка, пенсии и иных доходов осуществляет попечитель в интересах подопечного по правилам статьи 37 ГК РФ. При этом имущественная ответственность по совершённым гражданином сделкам и за причинённый вред сохраняется за ним самим. Следовательно, согласие попечителя не превращает последнего в сторону договора или в универсального должника по обязательствам подопечного [1].

По пункту 2 статьи 30 ГК РФ действует иная конструкция. Для сделок по общему правилу необходимо письменное согласие попечителя, однако гражданин самостоятельно совершает действия, предусмотренные подпунктами 1 и 4 пункта 2 статьи 26 ГК РФ. Речь идёт, в частности, о распоряжении заработком, стипендией и иными доходами в пределах установленного режима, а также о мелких бытовых и иных сделках, указанных в пункте 2 статьи 28 ГК РФ. Право самостоятельного распоряжения доходами может быть дополнительно ограничено или исключено судом. Поэтому наличие первоначального решения об ограничении дееспособности ещё не даёт полного ответа о доступном гражданину объёме действий [1].

Специально урегулированы выплаты на содержание гражданина, ограниченного в дееспособности вследствие психического расстройства: алименты, социальная пенсия, возмещение вреда здоровью и потери кормильца. Их расходование требует письменного согласия попечителя с учётом исключений, прямо предусмотренных законом, попечитель может определить срок распоряжения и прекратить его досрочно. Отсюда следует практический вывод: при проверке сделки, оплачиваемой из доходов подопечного, важен не только размер суммы, но и правовая природа денежных поступлений. Отнесение любых поступлений к свободно расходуемым средствам искажает смысл статьи 30 ГК РФ [1].

Принципиальное отличие попечительства от опеки состоит в сохранении гражданином участия в формировании и выражении собственной воли. Согласно статье 33 ГК РФ попечитель даёт согласие на сделки, которые подопечный не вправе совершать самостоятельно, содействует осуществлению его прав и защищает от злоупотреблений третьих лиц [1]. Поэтому при личном участии гражданина в нотариальной сделке попечитель не должен отвечать вместо него на все вопросы и подписывать договор лишь на основании своего назначения. Предоставление согласия и совершение сделки от чужого имени – разные юридические действия.

Содержание согласия также имеет самостоятельное значение. Статья 157.1 ГК РФ требует определить предмет будущей сделки, а при последующем одобрении – указать уже совершённую сделку. Молчание по общему правилу не заменяет согласия [1]. Для нотариальной практики целесообразно конкретизировать в документе объект, вид распоряжения, существенные для защиты подопечного ограничения и связь согласия с определённым проектом договора. Например, согласие на продажу квартиры по установленной цене не должно восприниматься как разрешение её дарения либо отчуждения на иных согласованных сторонами условиях.

Письменное последующее одобрение прямо предусмотрено пунктом 2 статьи 30 ГК РФ. Однако оно представляет собой способ устранения определённого дефекта уже совершённой сделки, а не основание для нотариуса удостоверять договор при заведомом отсутствии необходимого согласия. Нотариальная проверка направлена на подтверждение законности действия в момент его совершения. Возможность последующего исправления положения не освобождает нотариуса от проверки существующих предпосылок удостоверения. При этом прямое требование письменной формы из пункта 2 нельзя без пояснений выдавать за дословное содержание пункта 1 статьи 30 ГК РФ [1].

Согласие попечителя необходимо отличать от разрешения органа опеки и попечительства. В случаях, установленных статьёй 37 ГК РФ и статьёй 21

Федерального закона «Об опеке и попечительстве», попечитель не вправе согласовать отчуждение, залог, сдачу имущества в пользование и другие предусмотренные законом действия без предварительного разрешения соответствующего органа [1, 2]. Разрешение не подменяет волю собственника и не означает, что попечитель обязан одобрить любой предложенный договор. У каждого из названных элементов собственные субъект, назначение и пределы действия.

Так, при продаже принадлежащего подопечному жилого помещения проверке подлежат не только наличие разрешения и подпись попечителя, но и соответствие проекта условиям разрешённого распоряжения. Расхождение в объекте, условиях встречного приобретения или порядке обеспечения имущественных интересов требует самостоятельной оценки. Это модельная ситуация, показывающая последовательность применения норм, а не описание конкретного судебного дела. Дополнительно учитывается пункт 3 статьи 37 ГК РФ, ограничивающий сделки подопечного с попечителем, его супругом и близкими родственниками. Предварительное разрешение органа опеки само по себе не устраняет такой законодательный запрет [1, 2].

Не всякое нотариальное действие допускает восполнение ограниченной дееспособности согласием другого лица. Завещание в силу статьи 1118 ГК РФ может совершить только гражданин, обладающий полной дееспособностью, причём лично. Следовательно, согласие попечителя не позволяет удостоверить завещание ограниченно дееспособного гражданина [3]. Этот пример показывает, почему нельзя применять статью 30 ГК РФ изолированно от специальных требований к отдельным сделкам. Проверка должна начинаться с определения вида юридического действия, а не с универсального поиска согласия.

Статьи 43 и 54 Основ законодательства РФ о нотариате возлагают на нотариуса проверку дееспособности и наличия волеизъявления, полномочий попечителя, а также разъяснение смысла сделки и сопоставление её содержания с действительными намерениями сторон [4]. В рассматриваемой ситуации это предполагает два самостоятельных направления работы. Документальное

направление охватывает судебное решение, назначение попечителя и необходимые разрешительные документы. Коммуникативное направление позволяет выяснить, понимает ли гражданин, какое имущество передаёт, что получает взамен и какие последствия возникают после удостоверения.

Помощь попечителя может состоять в доступном объяснении условий, повторении информации и организации общения. Вместе с тем согласие помощника не подтверждает автоматически понимание сделки подопечным. Представляется оправданным сначала предложить гражданину изложить смысл действия своими словами, а затем уточнить затруднения с учётом необходимой поддержки. Такая беседа не является медицинской диагностикой: нотариус устанавливает юридически значимое волеизъявление, но не подменяет судебно-психиатрическую экспертизу. Одновременно сама потребность в помощи не должна рассматриваться как достаточное основание для отказа.

Конституционно-правовая основа индивидуального подхода выражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П по жалобе И. Б. Деловой. Предметом проверки выступали нормы о недееспособности, не обеспечивавшие необходимой дифференциации последствий психических нарушений [5]. Для рассматриваемой темы значение этой позиции состоит в требовании соразмерности ограничений реальному состоянию гражданина. Она не устанавливает порядок нотариального удостоверения, но исключает подход, при котором ограниченная дееспособность фактически приравнивается к полному устранению лица от самостоятельных юридических действий.

В пунктах 18–20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 разграничены основания ограничения дееспособности, значение степени нарушения способности понимать действия и возможность дополнительного ограничения распоряжения доходами [6]. Наличие заработка у других членов семьи не исключает применения пункта 1 статьи 30 ГК РФ при установлении предусмотренных законом обстоятельств. Для нотариуса данные разъяснения означают необходимость опираться на судебно установленный режим, а не на бытовую оценку благополучия семьи или внешнего поведения

заявителя. Самостоятельно изменять последствия вступившего в силу решения нотариус не вправе.

При оспаривании сделки необходимо разграничивать статьи 176 и 177 ГК РФ. Статья 176 предусматривает оспоримость сделки по распоряжению имуществом, совершённой ограниченно дееспособным гражданином без согласия попечителя, иск предъявляет попечитель. Исключение составляют сделки, которые гражданин вправе совершать самостоятельно. Следовательно, отсутствие согласия нельзя оценивать без предварительного определения объёма самостоятельности. Такая сделка не становится ничтожной только вследствие установленного ограничения дееспособности [1].

Статья 177 ГК РФ касается фактической неспособности понимать значение действий или руководить ими в момент сделки. Особое правило действует, когда гражданин впоследствии ограничен в дееспособности вследствие психического расстройства: по иску попечителя необходимо доказать не только соответствующее состояние в момент сделки, но и то, что контрагент знал или должен был знать о нём [1]. Позднейшее решение об ограничении дееспособности поэтому не обладает автоматическим обратным действием. Различаются время возникновения статуса, состояние при заключении договора и обстоятельства осведомлённости другой стороны.

Показательно определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. Власова Н. К. оспаривала нотариально удостоверенную продажу доли в обществе. Апелляция и кассация исходили, в частности, из проведённой нотариусом проверки и отсутствия признания его действий незаконными. Верховный Суд отменил соответствующие акты и направил дело на новое апелляционное рассмотрение, указав на необходимость оценки доводов о состоянии истицы в момент сделки [7]. Данное дело относится к статье 177 ГК РФ, а не к отсутствию согласия попечителя по статье 176, его использование здесь имеет сравнительное значение.

Из этой позиции следует, что нотариальное удостоверение не создаёт неопровержимого доказательства отсутствия порока воли. Вместе с тем судебная отмена сделки не означает автоматически виновного нарушения нотариусом профессиональных обязанностей. Вопрос действительности договора и вопрос ответственности нотариуса имеют разные предметы доказывания. Практическая ценность определения состоит в разграничении проверки юридического статуса и ретроспективного исследования психического состояния. Документы нотариального производства должны позволять установить, какие обстоятельства действительно проверялись, без приписывания нотариусу медицинских выводов [7].

В результате анализа можно выделить три взаимосвязанные проблемы правоприменения. Первая – формальная проверка статуса без определения конкретного объёма самостоятельных действий. Вторая – смешение согласия попечителя и административного разрешения на распоряжение имуществом. Третья – недостаточная фиксация собственного волеизъявления гражданина при активном участии сопровождающего лица. Это аналитически выделенные риски, а не утверждение об их статистической распространённости: рассмотренные судебные акты не позволяют оценить частоту подобных нарушений.

Для предупреждения первой проблемы предлагается включать в материалы нотариального производства краткую запись о применимом пункте статьи 30 ГК РФ, наличии дополнительных судебных ограничений и норме, определяющей необходимость согласия именно для данной сделки. Для второй – отдельно фиксировать реквизиты согласия и разрешения органа опеки, проверяемые условия и их соответствие проекту договора. Для третьей – отражать содержание разъяснённых последствий, способ необходимой помощи и ответы гражданина по существу совершаемого действия. Это предложение по совершенствованию организации проверки, а не утверждение о наличии универсальной обязательной формы такого документа.

Предлагаемая фиксация должна быть соразмерной: достаточно сведений, объясняющих правовой вывод нотариуса, без избыточного описания диагноза и

иных чувствительных обстоятельств. Основанием для отказа должно выступать конкретное юридическое препятствие с учётом статьи 48 Основ законодательства РФ о нотариате, а не сам статус ограниченно дееспособного лица [4]. Если проблема связана с отсутствующим документом или неясностью условий, необходимо использовать предусмотренные законом процедуры, а не подменять их неформальным требованием восстановить полную дееспособность.

Таким образом, особенности нотариальных действий с участием ограниченно дееспособных граждан определяются сочетанием сохранённой самостоятельности и дополнительных механизмов защиты.

При определенных обстоятельствах гражданин может быть ограничен или лишен судом частичной дееспособности. Суд при обращении родителей, усыновителей / попечителей или органа опеки и попечительства в случае достаточных оснований вправе ограничить или лишить лицо права на самостоятельное распоряжение своим заработком, стипендией или иными доходами.

При этом достаточными основаниями законодатель признает расходование денежных средств на цели, которые противоречат закону и / или нормам морали или неразумная их трата, без учета жизненно необходимых потребностей.

Обоснованность удостоверения зависит от последовательной проверки судебного статуса, характера сделки, воли гражданина, согласия попечителя и необходимых разрешений. Раздельное документирование этих обстоятельств уменьшает риск подмены воли и позволяет точнее разграничивать основания последующего оспаривания. При таком подходе нотариальная защита направлена одновременно на сохранность имущества и на реальное осуществление гражданином оставленных ему законом прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.10.2026)
2. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 23.10.2026)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 23.10.2026)
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 23.10.2026)
5. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 29. Ст. 4167. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132150/ (дата обращения: 23.10.2026)

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/8435 (дата обращения: 23.10.2026)

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-5407 по делу № А40-304649/2018. URL: https://base.garant.ru/74632296/ (дата обращения: 23.10.2026)

Alyautdinova E.Sh.
master's degree student
Department of Theory and History of State and Law
Volga State University of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

NOTARIAL ACTS INVOLVING PERSONS WITH LIMITED LEGAL CAPACITY: SPECIFICS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF APPLYING THE LAW

Abstract: *the article examines the specific features of performing notarial acts involving adults whose legal capacity has been restricted by a court. Based on a formal legal analysis of Article 30 of the Civil Code and court decisions, it distinguishes between an individual's independent expression of will, trustee consent, and authorization from a guardianship authority. It identifies the risks of conflating a person's legal status with their actual ability to understand a particular transaction and of substituting the trustee's will for that of the person under trusteeship. A procedure for documenting the notary's review is proposed to protect property while preserving the individual's legal autonomy.*

Keywords: *notarial act, limited legal capacity, trusteeship, expression of will, trustee consent, guardianship authority authorization, notarial review, transaction invalidity, judicial practice.*